

Книжное обозрение

© 1998 г.

Michel Crozier avec Bruno Tilliette. LA CRISE DE L'INTELLIGENCE. ESSAI SUR L'IMPUISSANCE DES ELITES A SE REFORMER. Paris: InterEditions, 1995.

Мишель Крозье (совместно с Брюно Тийетт). ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КРИЗИС. ЭССЕ О НЕСПОСОБНОСТИ ЭЛИТ К САМОРЕФОРМИРОВАНИЮ. Париж, 1995.

Мишель Крозье - ведущий современный социолог, основатель школы социологии организаций во Франции, - стал известен после выхода на французском (1964), а затем и на английском (1965) книги "Бюрократический феномен", посвященной анализу бюрократической системы на всех уровнях: от цеха и конторы до государственной администрации. По мнению самого Крозье, на него сильно повлияло пребывание в США сразу после войны, когда он столкнулся с обществом, опережавшим Францию "на поколение". Пытаясь понять причины отставания Франции, а также изучить реальности "классовых отношений", лежащих в основе общественной жизни согласно популярной тогда марксистской теории, он начинает исследования на самом нижнем уровне, через интервью со служащими и их руководителями. Постепенно Крозье приходит к осознанию важности организаций в современном мире. Начав с конкретных исследований, он создает обобщенную концепцию бюрократической системы и организации вообще.

Книга состоит из двух частей. В первой части Крозье дает свое видение причин кризисного состояния французского общества. Вторая часть построена в виде интервью, в котором автор отвечает на вопросы журналиста, что позволяет уточнить некоторые моменты, а также поделиться личными впечатлениями, привести факты биографии и т.д.

В чем же видит Мишель Крозье причины кризиса французского общества? Ответ вынесен в заголовок книги: элиты неспособны перейти к новому стилю мышления. То есть ни социальная структура, ни экономические отношения, ни расовые конфликты не играют той роли, какую играет определенный способ мышления. Разумеется, автор не отрицает значения структур, которые он также предлагает реформировать. Но структуры производны от способа мышления и действия.

Крозье критикует французские элиты (особенно политическую и административную) за неспособность приспособиться к современному миру, который за последние тридцать лет изменился больше, чем за весь девятнадцатый век (с. 22). Это не означает, что Франция в целом безнадежно отстала от развитых стран: общество просто развивается "само по себе", вопреки консервативности элит (с. 21), причем весьма успешно рост производительности труда за последние двадцать лет равен аналогичному показателю Японии (с. 152).

"Беда" элит состоит в попытках решить все возникающие проблемы традиционным способом, а именно через реформы сверху (никто уже не говорит о революции, даже левые силы), но реформы "технократические", основанные на "линейной" рациональности и на примате власти и техники над индивидом. Элиты пытаются во все вмешиваться и "мешают французам адаптироваться, желая сделать это за них" (с. 10).

Проведенная социалистами децентрализация не принесла желаемых плодов, что привело к попыткам вновь вернуться к централизации и контролю как раз в тот

момент, когда "люди дела", практики доказали свою способность идти в ногу со временем (с. 10-11). Крозье резко выступает против подобных попыток "равномерно распределить проблемы", вместо того, чтобы стимулировать активность.

Возникает вопрос: не идет ли речь о существовании цикла централизации/децентрализации, по крайней мере, в условиях Франции? В книге нет прямого ответа на этот вопрос, хотя сказано о том, что рецентрализация является результатом неудач при проведении политики децентрализации.

По определению Крозье, "французская политико-административная система основана на принципе, который можно было бы назвать "демократией доступа": важно иметь доступ к тому, кто принимает решения" (с. 74). Такой подход приводит к образованию иерархии, неспособной быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию, а также вынуждает определенные социальные и профессиональные группы прибегать к тактике нажима и шантажа посредством забастовок, демонстраций и иных подобных акций, требующих от "верхов" улучшения положения данной группы или решения определенной проблемы. Оказывается, что успехи Франции в экономической сфере достигаются не благодаря, а вопреки действиям государства. Крозье говорит о "надменности" представителей госаппарата по отношению к иностранным государством. Из-за подобного высокомерия предпринимателям приходится самостоятельно действовать на мировом рынке, преодолевая подчас негативное мнение о стране, сложившееся вследствие чрезмерного снобизма официальных лиц.

Ситуация, описываемая Крозье, во многом напоминает ту, в которой находится Россия (бюрократизм, косность мышления, государство, мешающее личной инициативе и т.д.). Однако необходимо отметить существенные отличия, опираясь на замечания самого Крозье. Во-первых, результаты развития России и Франции существенно разнятся: несмотря на потерю колоний, Франция вплотную приблизилась в экономике к уровню Соединенных Штатов, о чем сам Крозье мог только мечтать в 40-е годы, а также упрочила свои связи с членами ЕЭС. Во-вторых, бюрократическая система во Франции стоит гораздо ближе к веберовскому понятию бюрократии, основанной на рациональности, нежели российская. В-третьих, Франция не находилась во власти тоталитарной системы. Но самое главное, о чем пишет Крозье, это специфика культуры, заключающаяся в "индивидуализме, важности личности и ее прав, ее концептуальных способностей и способности суждения, важности качества, любопытстве, интересе к человеческим отношениям" (с. 23). Эти качества создавали трудности в условиях индустриального мира, но сейчас они необходимы. Очевидно, что они в большей степени свойственны Франции, нежели России.

Книга насыщена многочисленными примерами из биографии автора, в том числе и примеров взаимодействия (в целом неудачного) с политическими кругами Франции. Крозье-социологу не удалось с существенным образом повлиять ни на одну общегосударственную реформу, несмотря на его обширные контакты с высшими эшелонами власти. Можно сказать, что он разочарован и не скрывает этого. Несмотря на очень высокий образовательный уровень французской политической элиты, она весьма консервативна, поэтому попытки интеллектуалов предлагать свои решения политикам оканчиваются неудачей. Как говорит Крозье, "я хотел там быть и не быть одновременно" (в политике), что привело к тому, что он все равно так или иначе "запачкался" (как он выражается), но при минимуме результатов.

Автор тем самым показывает невозможность провести коренные реформы "сверху" даже при наличии "умных советников" (наверное, российскому читателю сразу вспомнилась бы программа "500 дней"). Он даже вводит понятие "прислушивание", означающее необходимость учета мнений других, идет ли речь о правительстве или об отношениях внутри небольшой структуры. Такой подход позволяет выявить позицию тех, кто прямо или косвенно связан с реализацией того или иного решения. Вместо того, чтобы пытаться внести изменения в ответ на негативную реакцию других действующих лиц, появляется возможность выяснить то, какой будет эта реакция и внести изменения до, а не после.

Необходимо изменение стиля мышления, если угодно, типа рациональности. Такой вывод заставляет Крозье анализировать ситуацию в системе образования. Ведь именно система образования оказывает решающее влияние на формирование определенного стиля мышления. Следовательно, для изменения мышления необходимо изменить и систему образования. Несмотря на кажущуюся банальность такого утверждения, оно весьма важно, поскольку не только Крозье говорит о новых подходах к образованию.

В чем же основной недостаток современной французской системы образования? Крозье считает, что она "плохо готовит к будущему, чья сложность ставит в тупик среднего человека" (с. 40). Причем эта сложность не сводится лишь к росту количества знаний, необходимых для жизни. Количество знаний, которое передается системой образования, особенно высшего, очень велико. Но скорость изменений во всех сферах жизни делает их устаревшими буквально за считанные годы. Отсюда вывод: лишь способность к решению разнообразных проблем в непривычных условиях может дать шанс успешной и активной адаптации к динамично развивающемуся обществу. Такая способность может быть развита не на уровне теоретического изучения абстрактных моделей и научных теорий, а на собственном опыте.

Может показаться, что и здесь нет ничего нового. Однако Крозье говорит не просто о реформе образования, а об изменении парадигмы культуры. Именно поэтому можно говорить о философском значении некоторых выводов автора: "Стремление к свободе - это основная, непреодолимая тенденция нашей эпохи. Мы хотим все больше и больше свободы, даже если мы от нее страдаем, если она рождает в нас чувство тревоги. Ведь она возвращает нас к нам самим: если течение нашей жизни нам не нравится, это наша вина, так как мы свободны" (с. 198-199).

Можно отметить еще одну черту, свойственную не только данной книге Крозье, но и многим другим произведениям современной французской социологии. Крозье не пытается создать "глобальную" теорию современного общества, ни даже "административной системы" - он ограничивается рассмотрением некоторых центральных сюжетов, проблем. Это означает, что практически бесполезно искать "систему", даже если заглавие книги вроде бы предполагает обширное и систематическое построение. Такое положение вещей и объясняет во многом стиль данной книги: наполовину эссе, наполовину интервью, она тем не менее весьма богата оригинальными мыслями. Она особенно интересна тем, что дает в весьма сжатой форме общее представление о творчестве Мишеля Крозье и его школы социологии организаций.

Д.В. БАЖЕНОВ,
аспирант ИС РАН